

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

ОМАРОВ М.М.

*Институт философии, политологии и религиоведения,
Комитет науки, Министерства образования и науки, РК
УДК 327 (5)*

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы региональной идентичности как фактор безопасности в регионе. Система безопасности представляет собой сложную систему и взаимосвязь и взаимозависимость региональной идентичности и региональной безопасности представляет собой актуальную проблему современности.

Ключевые слова: региональные институты, политика идентичности, региональная безопасность, интеграция, Центральная Азия

Аннотация: Макалада аймактагы коопсуздуктун фактору катары регионалдык иденттүүлүк каралат. Коопсуздук системасы регионалдык иденттүүлүк менен аймактын коопсуздуктун татаал түзүлүштөгү өз ара байланыш жана өз ара көз каранды катары көрсөтүлөт.

Урунтуну сөздөр: аймактык институттар, окшоштук саясаты, аймактык коопсуздук, жуурулушуу, Борбордук Азия

Abstract: In the article the problems of regional identity as a factor of security in the region. Security system is a complex system and the interconnection and interdependence of regional identity and regional security is an urgent problem of our time.

Key words: regional institutions, identity policy, regional security, integration, Central Asia

Безопасность общества представляет собой сложную многоуровневую социальную систему, функционирующую под воздействием большого числа взаимосвязанных переменных. Система эта формируется в русле объективных процессов под воздействием множества факторов (внутренних и внешних, политических и экономических, экологических, техногенных и т.д.), в свою очередь, также подверженных влиянию среды, времени, пространства, уровня развития цивилизации и др. Поэтому важным инструментом исследования проблем безопасности общества является факторный анализ, цель которого состоит в выявлении причин изменения состояний какого-либо явления. Применение факторного анализа позволяет использовать его результаты в моделировании систем безопасности, а также в процедурах подготовки и принятия решений по национальной безопасности. Под фактором, как правило, понимается причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характерную, или одну из характерных его черт. В нашем исследовании в качестве фактора безопасности выступает региональная идентичность.

Региональная идентичность может рассматриваться как ключевой элемент конструирования региона как социально-политического пространства и институциональной системы. Отметим, что региональные идентичности не заменяют и не отменяют национальные, они в большинстве случаев «носят дополнительный характер и представляют собой систему не жестких, обязательных, но скорее рыхлых и гибких связей» [12].

Значительный вклад в разработку теории региональной идентичности внесли Б. Андерсон и Э. Гелнер. Региональные идентичности, подобно национальным, основаны, по выражению Б. Андерсона, на идее «воображаемых сообществ». В соответствии с концепцией Бенедикта Андерсона, со времени упадка религии и появления печатного слова, стало возможным и необходимым появление так называемого «воображаемого сообщества», через которое может быть пробуждено чувство бессмертия, с чем

анонимные личности могут себя идентифицировать. Посредством печатного слова люди, не знакомые друг с другом, могут иметь однородное время и узнаваемое пространство, принадлежать к воображаемому сообществу и будущим поколениям. Что касается теории Эрнеста Гелнера, то он считал, что ранние аграрные общества не имели места для нации и национализма, их элиты и массы, производящие пищу, были всегда разделены культурными границами, и такой тип общества не способен, создать такую идеологию, которая преодолет эти границы. Современные общества, по его мнению, напротив, требуют культурную гомогенность и могут создать необходимую идеологию [10].

Как показывает исторический опыт, взаимосвязь региональной идентичности и безопасности зачастую проявляется в том, что поддержание региональной идентичности может требовать, как это ни парадоксально, постоянной угрозы извне. Так, по мнению Г.Деланти, «чистота и стабильность «нас» гарантируется, прежде всего, общим именем (названием), затем — демонизацией других/другого и избавлением от них [11].

Казахстанский исследователь Б. Жусипов говорит о такой составляющей безопасности, как поиск «чужака», который приравнивался к врагу, что является одной из характеристик идентичности. В процессе институционализации государственной структуры, человеческая рефлексия по линии «свой – чужой» стала приобретать форму идеологических противоборств. В некоторых закрытых политических системах, образ «врага» создавался искусственно, его придумывали и конструировали. Его внезапное исчезновение по какой-либо причине, как правило, создает у племени, народа, страны ощущение некой пустоты. При отсутствии реального врага его роль выполняет враг воображаемый. Таким образом, становится очевидным тот факт, что проблема идентичности тесно связана с проблемами безопасности. Для усиления идентичности и консолидации нации необходимо создать или сконструировать образ «чужого». Этим занимается, в последнее время Запад, под эгидой США объявив «крестовый поход» против исламского и конфуцианского миров и причислив «некоторые» государства к «оси зла» [3].

Так возникает проблема региональной безопасности. Региональная безопасность — составная часть международной безопасности, характеризующая состояние международных отношений в конкретном регионе мирового сообщества как свободное от военных угроз, экономических опасностей и т.п., а также от вторжений и вмешательств извне, связанных с нанесением ущерба, посягательств на суверенитет и независимость государств региона. Региональная безопасность имеет общие черты с безопасностью международной, в то же время отличается множественностью форм проявления, учитывающих особенности конкретных регионов современного мира, конфигурации баланса сил в них, их исторические, культурные, религиозные традиции и т.п. Отличается она, во-первых, тем, что процесс поддержания региональной безопасности могут обеспечивать как специально созданные для этого организации (в частности, в Европе Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе — ОБСЕ), так и объединения государств более универсального характера (Организация американских государств — ОАГ, Организация африканского единства — ОАЕ, и др.). Например, ОБСЕ провозгласила в качестве своих основных целей следующие: «Содействие улучшению взаимных отношений, а также создание условий по обеспечению длительного мира; поддержка разрядки международной напряженности, признание неделимости европейской безопасности, а также взаимной заинтересованности в развитии сотрудничества между государствами-членами; признание тесной взаимосвязанности мира и безопасности в Европе и во всем мире» [9].

В «Казахстанской политологической энциклопедии» региональная безопасность определяется как «состояние международных отношений в той или иной части мира, при котором в результате осуществления комплекса совместно принятых заинтересованными сторонами мер и заключения обычно многостороннего международного договора или соглашения обеспечивается поддержание мира и сотрудничества стран и народов,

решение спорных вопросов путем переговоров, отказ от применения силы или угрозы силой» [4]. Понятие «региональной безопасности» появилось не случайно. В последние десятилетия в связи с ускорением международных политических и экономических процессов в мире, в связи с так называемой глобализацией изменилось отношение к безопасности. Безопасность отдельного государства не может обеспечиваться в одиночку, поэтому появились различные концепции безопасности – коллективная, кооперативная, региональная и глобальная безопасность. Приоритет национальных интересов (национальной безопасности) остается важнейшим в системе международных отношений, но в условиях глобализации, национальная безопасность становится все более связанной с региональной безопасностью.

Хотя, в теоретическом плане понятия «национальная, региональная и международная безопасность» разграничены, на практике можно наблюдать, что национальный аспект безопасности зависит от обеспечения региональной и, шире, международной безопасности. В этой связи У.Касенов образно представлял стратегию безопасности Центральноазиатских стран в виде «русской матрешки»: «система национальной безопасности вкладывается в региональную в рамках Центральной Азии и далее в в рамках СНГ, затем она вмонтируется в евроцентральноеазиатскую и глобальную системы безопасности» [5].

Теоретическое осмысление проблем региональной идентичности и безопасности требует уточнения понятий «регион», «идентичность» и «безопасность».

Понятие «регион» в современной науке и общественно-политической публицистике предстает чрезвычайно гибким понятием. Оно может означать: природно-климатическую зону, географическую территорию, административную единицу государственного деления; межгосударственную территорию, выступающую сферой приложения усилий ряда стран, хозяйственный или хозяйственно-экологический район, историко-культурную местность и т.д. Подобная многозначность вряд ли удивительна, т.к. выделение конкретного региона специалистами разных отраслей знания осуществляется в рамках своих предметных областей с применением разных критериев [1].

Попытки сформулировать универсальное понятие региона сводятся, на нет его своеобразными интерпретациями в разных отраслях знания: «Философская трактовка региона ассоциируется с особым «миром», которому присущи свой менталитет, свой образ мышления, традиции, мировоззрение, мироощущение. Историческая интерпретация региона обычно указывает либо на утраченную со временем идентичность, либо на какие-то генетические признаки («привязку» в прошлом к определенным церковным приходам, епархиям, муниципалитетам и т.д.). Геополитическое понимание региона исходит из пространственной дифференциации различных политических сил и движений, центров «мощи» и «слабости». Здесь обычно «регион представляет собой группу стран, которые по многим очевидным параметрам больше взаимозависимы друг с другом, чем с иными странами» [2].

Первоначально понятие региона (Западная Европа, Восточная Европа, Восточная Азия, Ближний Восток и т.д.) наполнялось главным образом географическим, территориальным содержанием. Однако с течением времени это все больше начинает включать иные факторы: сходство культур, политическую ориентацию, оборонное взаимодействие, морально-ценностные и религиозные моменты, не говоря уже об экономическом взаимодействии и общих экономических интересах [7].

Из многочисленных определений региона выделим те, которые, как представляется, наиболее подходят к региону Центральной Азии. По утверждению одних авторов, «регион – это группа близлежащих стран, представляющих собой отдельный экономико-географический, или близкий по национальному составу и культуре, или однотипный по общественно-политическому строю регион мира» [2, с. 22]. По мнению других, регион трактуется как «территория, представляющая собой общность с географической точки зрения или такая территориальная общность, где есть преемственность и чье население

стремится сохранить, развивать свою самобытность в целях стимулирования культурного, экономического и социального прогресса» [8]. Более приближенным к теории идентичности будет понимание региона как «ментальной конструкции, так как его архитектура формируется из общих намерений и чувств. Регион как конструкция формируется на чувстве общности народов и жителей этого образования. В формировании региона важную роль играет его имидж. Народы регионов создают собственный образ, а у представителей других образований складывается имидж данного региона. Например, туристический, политический, геополитический имидж. Главным фактором в формировании регионального имиджа является культура, т.е. литература и искусство данного территориального образования» [13]. Итак, существует понимание региона, которое связывается с некоей пространственно-территориальной целостностью, сопряженной с экономической, политической или социокультурной системой.

С середины 1970-х гг. в мировой науке о регионах (в регионалистике), и особенно в США и Европе, происходит переосмысление того, что составляет ее предмет и инструментарий: «Понимание регионалистики как теории отношений между регионами в мировой политике постепенно сменяется представлением о ней как о дисциплине, занимающейся изучением становления региональных коллективов, социумов и процессов, происходящих в мировой политике и международных отношениях... Само понятие «регион» не является сегодня предметом спора. Есть ясность относительно того, что такое регион, и в частности европейский регион, каков механизм его функционирования» [6]. Оказалось, что региональные подходы позволяют эффективно отвечать на вызовы цивилизационного разнообразия.

Фактически основой регионоведения является изучение двух главных проблем регионального развития:

- 1) формирование и функционирование социально-экономического комплекса региона;
- 2) региональное управление (политическое, экономическое, социальное, экологическое и т. Д.).

Но изучение этих проблем предполагает региональный анализ и учет всех факторов и явлений, на них влияющих, — идентификационных, исторических, природноресурсных, этнических, религиозных, экологических, политических, а также внутрорегиональных и межрегиональных связей.

Поэтому регионоведение опирается также на такие научные и учебные дисциплины, как политология, социология, управленческие и юридические науки, экономическая история, экономическая и социальная география, экономика региона, демография, статистика, религиоведение, этнология, экология и т. Д.

Структура современной регионалистики складывается из следующих разделов:

1. Анализ совокупности действий главных сил, действующих в регионах: политических партий, групп, профсоюзов, видных общественных и политических деятелей, различных региональных и внерегиональных органов и институтов.
2. Систематическое осмысление региональной действительности как на уровне анализа конкретных событий, так и на уровне теоретического обобщения.
3. Выбор инструментария, системы, методов, шкалы, типологии оценки явлений и процессов, связанных с региональными социально-экономическими проблемами, региональными структурами (теории взаимодействия и теории типов взаимодействия), противоречиями (этническими, межрегиональными, социально-экономическими и др.).
4. Предметное изучение конкретных составляющих регионального процесса.
5. Наука о регионах и региональном развитии должна учитывать специфику государственного устройства каждого государства (независимо от типологии устройства — унитарного или федеративного).

Важным признаком региона является управляемость, которая непосредственно связана с административно-территориальным делением. И здесь важно подчеркнуть, что

управляемости в определенной степени способствует целостность региона, ибо административно-территориальные органы должны обеспечивать координацию (управление) всех элементов общественного хозяйства: материального производства, природно-ресурсных потенциалов, инфраструктуры, трудовых ресурсов и т. Д., а также многообразных связей — торговых, финансовых, социальных, экологических, производственных, которые обладают определенной пространственной и временной устойчивостью.

Целостность региона означает вполне рациональное использование природноресурсного потенциала региона, пропорциональное сочетание различных отраслей, формирование устойчивых внутрирегиональных и межрегиональных производственных и технологических связей, наличие особого сообщества людей с определенными традициями, определенным образом жизни.

Идентичность в социокультурном смысле представляет совокупность устойчивых черт, позволяющих той или иной группе этнической или социальной отличать себя от других, и тем самым определять свое место и роль в системе социальных отношений. В этом смысле идентичность всегда выступает социальным конструктом. Что касается национальной идентичности, то наряду с гражданской, культурной, религиозной, политической, региональной она одна из разновидностей идентичности как таковой. Идентичность национальная — осознание человеком себя как части определенной этнической общности.

Теория регионального комплекса безопасности предполагает, что комплексы безопасности, подобно балансу сил, являются внутренним продуктом анархичных международных систем. При прочих равных условиях, следовательно, можно предполагать, что они находятся в системе везде.

Отсутствие комплекса безопасности объясняется тремя факторами:

(3) В некоторых пространственных областях государства имеют так мало ресурсов и возможностей, что властное влияние за пределами их границ незначительно или вообще отсутствует. Эти государства имеют внутренне направленные динамики безопасности и поэтому взаимодействие между ними в области безопасности недостаточно, чтобы на его основе сформировались комплексы безопасности. В этой ситуации можно говорить о существовании — мини-комплекса или неструктурированного региона безопасности:

Мини-комплекс — формация с характеристиками комплекса безопасности, но небольшая по масштабу и обычно состоящая, по меньшей мере, частично, из субгосударственных акторов.

Неструктурированный регион безопасности — где локальные государства так слабы, что их сила (power) не очень выступает, практически никогда, за их собственные границы, и поэтому порождают недостаточную взаимозависимость безопасности, чтобы формировать существенные структуры комплекса региональной безопасности.

(2) Комплексы безопасности формируются группами государств и не только определяют отношения между своими членами, но также обуславливают линии проникновения в регион внешних держав. Однако иногда присутствие внешних держав в регионе является настолько значительным, что подавляет динамики и связи в области безопасности среди государств, образующих комплекс безопасности. Такую ситуацию обозначают как наложение. Наложение принципиально отличается от процесса «нормального» вмешательства великих держав в комплексы безопасности. Вмешательство обычно подкрепляет региональные динамики безопасности; наложение же подчиняет их структуре силовых соперничеств между великими державами и может даже трансформировать их. В ситуации наложения невозможно выделить региональные динамики безопасности достаточно четко и, следовательно, идентифицировать комплекс безопасности.

(3) Существуют ситуации, когда на региональные динамики накладываются динамики соседних регионов и региональных держав. В этом случае можно говорить об изоляторе:

Изолятор – государство или мини-комплекс, стоящий между комплексами региональной безопасности и определяющий местоположение, где большие динамики региональной безопасности стоят спиной к спине.

Отдельные комплексы безопасности являются устойчивыми, но не постоянными фигурами международной системы. Региональный комплекс безопасности определяется внешней границей и сущностной структурой. Тремя ключевыми компонентами сущностной структуры в комплексе безопасности являются:

- расположение государств и различия между ними;
- структуры дружбы (amity) и вражды (enmity);
- распределение власти среди главных единиц комплекса. Сдвиг в любом из этих компонентов приводит к трансформации комплекса. Таким образом, теория регионального комплекса безопасности допускает анализ региональной безопасности, как в статичных, так и в динамичных терминах.

Вышеприведенные концепции, подходы и теории свидетельствуют о тесных взаимосвязях и взаимовлиянии региональной идентичности и региональной безопасности. Этот процесс должен поддерживаться правящими элитами с целью недопущения фрагментации региональных сообществ и размывания региональных идентичностей.

Литература:

[1] Аванесова Г.А. Региональное развитие в условиях модернизации. (На материалах стран Запада и Востока). – Восток, 1999. - № 2. – С. 42.

[2] Гладкий. Ю.Н., Чистобаев. А.И. Регионоведение. Учебник. Москва: «Гардарики». – 2003. – 382 с. – С. 32.

[3] Жусипов Б.С. Республика Казахстан: проблемы политики безопасности / под редакцией профессора Т.С. Сарсенбаева. – Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2000. – 299 с. С.28.

[4] Казахстанская политологическая энциклопедия. – Алматы: Казахстан даму институты. – 1998. – 352с. – С. 35.

[5] Касенов У.Т. Безопасность Центральной Азии: глобальные, региональные и национальные проблемы. – Алматы: Университет Кайнар. – 1998. – 289 с. – С. 21.

[6] Ландабасо А. К вопросу о теории регионального развития // Федерализм. 1998. - № 1. – С. 33.

[7] Лихачев В.Н. К Европе регионов // <http://www.ng.ru>. Независимая газета – 2000. – 29 сентября. – С.

1

[8] Мурадян А.А. Регионализм как проблема политологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1995. - № 3. – С. 83—89.

[9] Шрепpler X.A. Международные организации: Справочник. — М., 1995. — 456с. – С. 146.

[10] Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Rev. ed., London: Verso. 1991. – P. 6; The Ethnic Origins of Nations Smith Anthony D. Indiana University Libraries. P.10.

[11] Delanty, G. Inventing Europe: Idea, Identity, Reality. London, 1995, P. 5.

[12] Marks, G. Territorial Identities in the European Union. Presentation at the University of North Carolina, Chapel Hill, 1997. P. 55.

[13] The role of regions in transforming Post-communist societies. INTAS – PROJECT. Newsletter 2 (February 2000). www.iews.org/rrrabout.nsf. // <http://www.culturprospectiv.ch/regions/newsletter.html>